

Герои-священнослужители на войнѣ

(Русско-Японской) (*).

Одинъ изъ генераловъ нашей арміи В. А. Романовъ отзывался о нашихъ священнослужителяхъ еще во время войны, что они исполняютъ свои обязанности съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, не щадятъ жизни и даже подаютъ воинамъ примѣръ мужества и героизма. «Съ крестоиъ они, говорить этотъ генераль, храбро идутъ впереди полка, по окончаніи сраженія помогаютъ перевязывать раненыхъ и вообще не тяготеютъ никакою работою. Просто-святые люди, люди не міра!» Таковы же, по словамъ «Моск. Вѣдом.», отзывы о священнослужителяхъ дѣйствовавшей арміи и всѣхъ безпристрастныхъ корреспондентовъ.

Еще при самомъ началѣ русско-японской войны мущественнымъ, самоотверженнымъ героемъ заявилъ себя священникъ на крейсере «Варягъ» о. Михаилъ Рудневъ. Подвергая ежеминутно во время жестокаго боя жизнь свою опасности, онъ безтрепетно ходилъ по палубѣ корабля, залитой кровью, заваленной ранеными и искалѣченными трупами убитыхъ, напутствуя умиравшихъ, утѣшая страждущихъ и воодушевляя сражавшихся. Самымъ дѣятельнымъ образомъ помогалъ онъ и въ уходѣ за ранеными.

Поистинѣ «чудомъ храбрости, спокойствія и самоотверженія» является получившій, можно сказать, мировую извѣстность подвигъ священника 11-го

(*) Изъ книги «наши Герои на Дальнемъ Востокѣ 1908 г. стр. 12.

Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка о. Стефана Щербаковскаго. Прежде чѣмъ передѣть, въ чемъ состоялъ его геройскій подвигъ, замѣтимъ, что о. Щербаковскій, по долгу своей службы, могъ и не являться въ ряды знаменной роты. Значитъ, подвигъ его былъ совершенно добровольный. Объятый пламенемъ самоотверженной любви къ Царю и отчизнѣ и къ «снимъ—малымъ» — къ своимъ духовнымъ дѣтямъ солдатамъ, онъ пошелъ на вольную смерть «за други своя», напередъ въ спокойномъ состояніи хорошо, глубоко обдумавъ свою рѣшимость на самопожертваніе.

Изъ разсказа самого о. Щербаковскаго о сраженіи (подъ Тюренченномъ) 18-го апрѣля ясно видно въ частности и то, въ чемъ собственно состоялъ подвигъ этого героя-священника.

Всталъ я, разсказываетъ о. Щербаковскій, 18-го числа рано, въ три часа ночи. Я зналъ, что бой будетъ отчаянный и рѣшилъ исполнить свой пастырскій долгъ до конца, показавъ воинамъ примѣръ самоотверженія и любви своею смертію... Въ 4 часа я помолился Богу, составилъ завѣщаніе и сталъ въ знаменной ротѣ ..

11-й полкъ стоялъ въ Тензы. Затѣмъ утромъ (18-го апрѣля) его приблизили къ Тюренченской позиціи. Батарея Муравскаго была вызвана на позицію. 11-й полкъ томился бездѣйствіемъ. Это было самое тяжелое время: невольный страхъ закрадывался въ душу... Когда я взглянулъ на часы, было три часа пополудни. Въ это время полкъ выстроился и подъ звуки подковаго марша двинулся въ атаку на наступавшихъ японцевъ.

Я надѣлъ епитрахиль, взялъ крестъ, благословилъ солдатъ и съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе» пошелъ во главѣ стрѣлковъ знаменной роты. Картина была поразительная, грандіозная. Безъ малѣйшаго колебанія шли славные стрѣлки на вѣрную смерть, въ адскомъ огнѣ, среди рвущихся снарядовъ. Потомъ, взявъ ружья на перевѣсъ, они двинулись бѣгомъ на японцевъ. Врагъ, однако, не принялъ атаки. Передовыя японскія части раздѣлившись, бросились въ стороны, а стоявшіе за ними резервы въ далекомъ разстояніи, съ большой дистанціи, открыли такой убійственный огонь, что наши ряды сразу стали таять. Видя, что имъ не добѣжать до японцевъ, стрѣлки остановились и залегли. Я остался здѣсь одинъ позади опередившихъ меня стрѣлковъ, которые лежа стрѣляли по наступающимъ снова японцамъ. Въ это время всякое чувство страха исчезло. Пули и шрапнели сѣяли смерть. Жужжаніе пуль, гудѣніе и затѣмъ трескъ лопавшихся снарядовъ не давали возможности сосредоточиться, оцѣнить опасность

положенія... Но вотъ офицеры, еще не выбышіе изъ строя, подняли на ноги своихъ стрѣлковъ, такъ какъ японцы снова приблизились. Полковой оркестръ выстроился и заигралъ «Боже Царя храни». Подъ звуки народного гимна полкъ, лишившійся уже многихъ офицеровъ, съ ружьями на перевѣсь, снова двинулся въ атаку. Я, предъ тѣмъ опустившійся на колѣни, всталъ и присоединился къ полку. Тутъ, подъ звуки гимна, сигналовъ и командныхъ словъ, опять въ рядахъ своихъ солдатъ я началъ болѣе сознательно относиться къ окружающему. Я сознавалъ и чувствовалъ, что надо идти съ своими дальше, во что бы то ни стало. Я не замѣтилъ никакого колебанія, хотя бы малѣйшаго, среди солдатъ. Стрѣлки смотрѣли только на своихъ офицеровъ и слѣпо исполняли ихъ приказаніе, какъ на ученіи. Только каждый, передъ тѣмъ какъ двинуться въ бой, крестился. Эту вторую молодецкую атаку я хорошо запомнилъ, т. е., лучше сказать, моментъ ея начала. Потомъ все смѣшалось. Музыка тотчасъ же смолкла, кто побѣждалъ впередъ, кто упалъ убитымъ или раненымъ. Я почувствовалъ сильнѣйшій ударъ въ руку и въ ногу и упалъ навзничъ, потерявъ сознаніе. Когда я очнулся, наши отступали. Издали слѣдовавшій за мной церковникъ Перчъ подбѣжалъ ко мнѣ. Когда я открылъ глаза, увидалъ его рыдающимъ; онъ помогъ мнѣ подняться и повелъ поды огнемъ назадъ. Стрѣлокъ охотничей команды присоединился къ намъ и также поддерживалъ меня раненаго (См. «Миссіон. Обзоръіе», № 10).

На излеченіе о. Щербаковскій поступилъ въ лазаретъ Елизаветинской общины Краснаго Креста въ Харбинѣ. Корреспондентъ «Нов. Дня», посѣтившій героя—священника, свидѣтельствуетъ, что о. Щербаковскій очень скромный человекъ: онъ не гордится, не смотря на молодость, своимъ подвигомъ, и всеобщее вниманіе и удивленіе, которыми онъ окруженъ, не вскружили ему головы. Офицеры и солдаты 11-го полка, видимо, любятъ и цѣнятъ батюшку. На мой вопросъ, говорить корреспондентъ, пойдетъ ли батюшка, по выздоровленіи, снова въ атаку на японцевъ, онъ скромно отвѣчалъ, что, если это будетъ нужно, пойдетъ. «Вѣдь это обязанность», присовокупилъ онъ.—Командующій арміей генераль Куропаткинъ, посѣтивъ въ лазаретѣ о. Стефана, отличилъ этого героя-священника особымъ вниманіемъ: онъ трижды облобызавъ его, обласкавъ, выдалъ 400 рублей на леченіе и представилъ его къ офицерскому Георгіевскому кресту. Вся печать наша и корреспонденты заграничной прессы отмѣтили подвигъ о. Стефана яркими штрихами, сообщивъ его біографію, изъ которой узнаемъ

что о. Щербаковскому 29 лѣтъ; онъ окончилъ курсъ въ Одесской духовной семинаріи, былъ сначала псаломщикомъ, а потомъ священникомъ въ с. Губовкѣ, Херсонской епархіи; въ 1901 году назначенъ священникомъ 19-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, а въ 1903 году переведенъ въ 11-й Вост. Сибир. стр. полкъ, который сначала былъ расположенъ въ Портъ-Артуръ. Въ газетахъ сообщалось, что жена о. Щербаковскаго осталась въ Портъ-Артурѣ сестрою милосердія.

Духовенство наше, по справедливости, можетъ гордиться такимъ вышедшимъ изъ его среды героемъ, какъ о. Стефанъ Щербаковскій. Но о. Щербаковскій не единственный герой изъ представителей нашего духовенства въ минувшей нашей войнѣ, ибо такой же могучій подъемъ и геройское подвижничество наблюдалось и въ другихъ достойныхъ служителяхъ церкви, подвизавшихся на театрѣ войны.

Вотъ, напр., что напечатано въ «Церк. Вѣдом.» (№ 41) о нѣкоторыхъ изъ этихъ другихъ доблестныхъ военныхъ священникахъ:

Во время морскаго боя 28-го іюля нашей Портъ-Артурской эскадры священнослужитель крейсера «Аскольдъ» іеромонахъ Порфирій героически ходилъ по верхней палубѣ съ крестомъ, благословляя воиновъ.

Въ Хаанскомъ бою восточнаго отряда графа Келлера особенно отличились доктора Тугановъ и Соболевъ и священникъ 10-го стрѣлковаго полка отецъ Рemezовъ, которые подъ сгнемъ выходили за цѣпь и перевязывали раненыхъ (*).

Въ срединѣ мая изъ Харькова отбылъ на Дальній Востокъ стоявшій тамъ долго на квартирахъ 122 Тамбовскій пѣхотный полкъ. Не задолго передъ походомъ, въ эту часть былъ назначенъ новый священникъ, отецъ Александръ Любомудровъ, человекъ необыкновенной энергіи и воли. Предъ выступленіемъ изъ Харькова онъ обратился съ проповѣдью къ бригадѣ, состоявшей изъ Тамбовскаго и 121-го Пензенскаго полковъ. Вдохновенное слово пастыря произвело потрясающее впечатлѣніе на воиновъ. Говорилъ онъ его на площади, говорилъ страстно, зажигая всѣхъ своимъ порывомъ, своею готовностію идти и побѣждать. «Говорятъ, это было что-то исклю-

(*) По 84-му Шарванскому Его Величества полку, въ которомъ прежде служилъ Іовинъ Рemezовъ, данъ былъ особый приказъ съ извѣщеніемъ его самоотверженныя, исполненнаго христіанскаго милосердія, подвиговъ.

чительное, казалось даже, что этому человеку можно дать, вмѣсто вѣста, въ руки мечъ, и онъ будетъ первымъ изъ первыхъ въ бою. И когда онъ горячо призывалъ войска къ самопожертвованію, всѣ загорѣлись отъ его словъ, а одинъ солдатъ не выдержалъ и закричалъ изъ строя:

Постарѣйся, батюшка!...

Черезъ два мѣсяца, 16—18 іюля, Тамбовцы участвовали уже въ первомъ сраженіи на Юмулинскомъ перевалѣ и выдержали геройскій бой съ противникомъ, въ три или четыре раза превосходившимъ ихъ своими силами. Въ теченіе 16 часовъ полкъ оставался на позиціяхъ, отбивъ врага на всѣхъ пунктахъ. Шрапнели разрывались надъ головами героевъ, пули осыпали ихъ; но полкъ не уступилъ ни пяди земли, выпустилъ нѣсколько тысячъ патроновъ, оставаясь весь день безъ пищи.

За водой спускались подъ огнемъ. Командиръ лично руководилъ боемъ, оставаясь все время въ переднихъ рядахъ.

Полкъ потерялъ 5 офицеровъ убитыми и умершими отъ ранъ и 6 ранеными.

Въ числѣ выбывшихъ изъ строя чиновъ полка, между прочимъ, значилось: Священникъ Александръ Любудровъ умеръ отъ ранъ.

Тяжелая завѣса скрывала отъ насъ почти все, что происходило за стѣнами Портъ-Артура. О его герояхъ до насъ доходили только отрывочныя извѣстія, да и тѣ съ большими затрудненіями. Въ одномъ изъ такихъ извѣстій помѣщены были слѣдующія строки:

«Въ осажденной крѣпости находится нѣсколько священниковъ. Послѣ отбитія послѣднихъ штурмовъ ими были отслужены благодарственныя молебствія. Во время сраженія они находятся на позиціяхъ съ крестомъ въ рукахъ и тутъ же подъ огнемъ напутствуютъ и причащаютъ умирающихъ».

Когда разразилась война, должность настоятеля церкви Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба занималъ священникъ Георгій Шавельскій.

Немедленно же онъ оставилъ свое спокойное и почетное мѣсто и отправился въ дѣйствующую армію. На войнѣ, дѣля труды и опасности съ 33-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ, въ которомъ о. Шавельскій состоялъ священникомъ, онъ принялъ участіе въ нѣсколькихъ бояхъ, въ томъ числѣ подъ Вафангоу и у Лаояна, причемъ у Лаояна былъ контуженъ.

Въ письмѣ къ отцу Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства отецъ Георгій, между прочимъ, пишетъ съ театра войны:

«На первыхъ порахъ своего пребыванія въ полку я не считалъ себя совсѣмъ удовлетвореннымъ. Сибирскіе полки показались мнѣ сильно отставшими отъ религіи и церкви, и самая жизнь походная мало пригодною для усильной дѣятельности священника. Иногда даже врвалась мысль: не лишній-ли я тутъ? Теперь, слава Богу, вти мысли разсѣялись, послѣ того какъ, съ одной стороны, стали замѣтны плоды моего вліянія и на солдатъ, и на офицерство, а съ другой—и я самъ увидѣлъ, и отъ авторитетныхъ лицъ (командировъ полковъ) услышалъ, какъ важно и какъ цѣнится воістину въ настоящія минуты вліяніе священника на полкъ, даже его пребываніе при полку, особенно въ минуты опасности.

Въ частномъ письмѣ изъ Инкоу, помѣщенномъ въ «Церков. Вѣстникъ», очень характерны и заслуживаютъ большаго вниманія слѣдующія, строки военнаго священника: «Когда дѣйствія начнутся, мой полкъ первымъ двинется на непріатели, а съ полкомъ и я. Я увѣренъ, что если только жизнь моя нужна для другихъ, Господь сохранитъ меня. Если же лягу костью на бранномъ полѣ,—не оставьте меня въ своихъ молитвахъ. Знайте тогда, что шель я на смерть, не страшась ея, съ однимъ желаніемъ: своими трудами, а—если нужно—и жизнію внести маленькую лепту въ ту громадную жертву, которую приносить теперь русское воинство за свою родину».

Священно-служители: крейсера «Россія» Феодосій Станкевичъ и крейсера «Громобой» Георгій Федоровъ, за отличное мужество и самоотверженное поведеніе, проявленныя ими въ бою 1-го августа, сопричислены къ ордену Св. Анны 2-й степени съ мечами, а священно-служители: своднаго Портъ-Артурскаго полевого госпиталя Теодоръ Скальскій и 7-го пѣх. Сибирскаго Красноярскаго полка Василій Тюшняковъ, за отличіе въ дѣлахъ противъ японцевъ, къ тому же ордену 3-й степени съ мечами.

Съ теченіемъ войны почетныхъ награжденій удостоились и многіе другіе священно-служители.

Доблестнымъ и самоотверженнымъ героемъ проявилъ себя и о. Иеромонахъ Алексій (Оковешниковъ), находившійся на крейсере «Ририкъ», бывший свидѣтелемъ его гибели и подвиговъ его экипажа и потомъ попавшій въ плѣнъ, откуда, благодаря сану, былъ отпущенъ и вернулся въ

Россію. Онъ награжденъ золотымъ нецерснымъ крестомъ на Георгіевскои лентѣ (1).
